

А. В. Головнёв
**ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В СЦЕНАРИЯХ РЕСУРСНОГО ОСВОЕНИЯ ЯМАЛА***

УДК 397(=944.11)

ББК 63.521(=667)

Этнологическая экспертиза стала результатом исследований под руководством А. В. Головнёва в апреле–ноябре 2013 г. в районе кочевий ненцев-оленеводов и ведения геологоразведочных работ «Газпром геологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения (западный берег полуострова Ямал). Основная цель этноэкспертизы состояла в прогнозе последствий воздействия геологоразведочных работ на образ жизни кочевников-ненцев и разработке предложений по минимизации социального и этнокультурного ущерба. Исследования показали сложности и возможности сочетания ненецких культурных традиций и современных промышленных инноваций, гибкость и адаптивность кочевой культуры оленеводов, а также необходимость со-управления в освоении тундр тундровых кочевников и Газпрома. Разделы статьи носят названия «Север как полигон», «Крузенштернская этноэкспертиза», «Пограничье и конкуренция», «Оленеводческий рай», «Техно-медиа-революция», «Форсайт-сценарии».

Ключевые слова: *этнологическая экспертиза, Ямал, ненцы, кочевники, оленеводы, коренное население, миграции, Газпром*

Актуализация этничности в последнее время заставляет размышлять об этнологии как практической гуманитарной технологии. Было бы правильно все социально значимые проекты и действия сопровождать этнологической экспертизой, как это принято в отношении экспертизы экологической. При этом этноэкспертиза должна рассматриваться не только как средство предупреждения негативных эффектов (например, межэтнических и межконфессиональных конфликтов), но и как метод позитивного действия по оптимизации межэтнической кооперации и активации этнокультурного потенциала. Общий тренд показывает, что этноэкспертизу следует применять в широком спектре направлений, включая законопроекты всех уровней, международную политику и дипломатию, административ-

ные программы и реформы, хозяйственные проекты, инциденты этнического и религиозного свойства, образовательные, культурные, масс-медийные и информационные кампании и мероприятия. Этноэкспертиза возможна в формах аналитического обзора, разработки сценариев (в том числе форсайта), мониторинга, неотложного реагирования.

Сегодня этноэкспертиза еще не обрела надлежащего места в общественных и научных практиках. За отсутствием правового основания в российском законодательстве она проводится инициативно в рамках экологической или историко-культурной экспертиз. Колебания и опасения властей в этом отношении оправданы лишь дефицитом профессионалов-этнологов, который может быть преодолен в ближайшие годы благодаря открытию в ведущих университетах России направления «Антропология и этнология» и целенаправленной подготовке экспертов-этнологов.

Север как полигон

Апробация методик этноэкспертизы на Российском Севере стала возможной ввиду ускоренного промышленно-транспортного освоения ресурсов и особого статуса коренных малочисленных народов Севера. Небесконфликтное сочетание этих факторов создало целый ряд прецедентов, вызвавших инициативное проведение этноэкспертиз. Не случайно единственное пока правовое определение этноэкспертизы содержится в законе РФ

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, г.н.с. Института истории и археологии УрО РАН, зав. кафедрой археологии и этнологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

* Работа выполнена по договору «Этнологические исследования в районе ведения геологоразведочных работ ООО «Газпром геологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения» при поддержке проектов «Границы и перекрестки урало-сибирского пространства: сценарии этнокультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» Программы межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований РАН и «Этнокультурное наследие и идентичность в Арктике (по данным Северного Урала и Ямала)» Программы фундаментальных исследований «Арктика» УрО РАН

«О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.) — как научного исследования влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса. Обычно этноэкспертиза инициируется и проводится при проектировании ресурсно-промышленного освоения территорий компактного расселения северных этноменьшинств. Таким образом, Север выступает методическим полигоном по отработке правил этноэкспертизы в России.

В качестве одного из недавних содержательных опытов северной этноэкспертизы заслуживает упоминания проект «Экологическое и социальное воздействие промышленного освоения на Севере России» (Ensinor 2004–2007) под руководством Б. Форбса и Ф. Штаммлера. Его итоги выражены в «Декларации сосуществования коренных народов и нефте/газодобывающей промышленности в Ненецком, Ямало-Ненецком автономных округах и других территориях Севера России». По мнению экспертов, «взаимовыгодное сосуществование традиционного образа жизни коренных народов и нефтегазовой добычи является насущной задачей трех заинтересованных сторон: оленеводства/рыболовства, промышленности и государственной администрации»; оцениваемый нередко позитивно переход северных кочевников к оседлости в действительности «сопровождался упадком культуры, утратой традиционных отраслей хозяйства и приводил к таким негативным последствиям как возросший уровень алкоголизма, наркомании, проституции и суицида среди коренного населения». Особое внимание декларация уделяет принципам проведения переговоров (консультаций, слушаний) промышленных компаний с местным населением, включающим положения:

— Заблаговременное представление всем сторонам планов развития до их официального утверждения, а в случае недостатка времени для оценки проекта предоставление местным жителям права вето на план развития.

— Предварение официальных консультаций предоставлением исчерпывающей информации, причем не только посредством издания документов, но и их обсуждения с компетентными представителями местного населения. Лучшим средством предоставления исчерпывающей информации являются встречи представителей промышленности

с тундровиками непосредственно на местах, в стойбищах (если необходимо, то и с остановкой на ночь, что создает более доверительную атмосферу). Представители тундровых кочевых хозяйств должны быть своевременно доставлены в поселки и города для участия в подготовительных встречах; им должна быть предоставлена возможность высказать свою независимую точку зрения и замечания без стороннего давления и влияния.

— Консультации не должны проводиться во время фестивалей или праздников (например, в «День Оленевода», «День Победы» и др.). Между сторонами должна быть согласована безалкогольная обстановка консультаций. Стороны могут требовать повторения встреч в случаях употребления участниками алкоголя.

— Для ведения переговоров оленеводы/рыбаки/охотники имеют право сами делегировать компетентных, профессионально подготовленных и независимых лиц. Это обеспечит проведение консультаций с облеченным доверием лицами, а не только с официальными ассоциациями коренных народов, и обеспечит их неконфронтационную природу.

Этнологическая экспертиза должна проводиться при следующих условиях:

— В исследовательских проектах, наряду с научными знаниями, должны учитываться опыт и знания местного и коренного населения. Такой подход предполагает работу в тесном контакте с оленеводами, которые со своей стороны выражают готовность к сотрудничеству.

— Ученые, коренные жители и местные специалисты, проводящие исследования, должны иметь свободный доступ к использованию и распространению информации, связанной с рассматриваемыми нефтегазовыми проектами. Компании должны исключить из контрактов условия, требующие конфиденциальности/секретности исследования, а участники исследования должны сохранять права публиковать материалы исследований, за исключением конфиденциальной экономической информации или информации о физических лицах. Коренным жителям должно быть разрешено использование результатов собственных исследований для повышения квалификации и получения ученых степеней как части расширения их возможностей. Право финальной редакции всего исследования должно быть делом авторов исследования,

а не консалтинговых фирм, нанятых нефтяной компанией, или самой нефтяной компании.

— Независимо от источников финансирования необходимо обеспечить независимость, экспертное рецензирование, квалификацию научного исследования с прозрачностью информации об источниках финансирования проекта. Результаты научных проектов, финансируемых промышленной компанией, должны быть доступны коренным жителям, ученым и представителям государства на всех уровнях.¹

В 2011 г. Е. П. Мартынова и Н. И. Новикова провели этнологическую экспертизу в Тазовском районе ЯНАО с целью изучения изменений исконной среды обитания ненцев в связи со строительством объектов ОАО «АК «Транснефть»» «Трубопроводная система «Заполярье — НПС «Пур-пе»» и «Трубопроводная система «Заполярье — НПС «Пур-пе». Сеть связи». В публикации материалов дана развернутая характеристика правовых основ этноэкспертизы, а также предшествовавших ей в практике советских этнографов «докладных записок» и ряда современных опытов этноэкспертизы за рубежом и в России (в том числе заслуживающего внимания опыта экспертизы и мониторинга в рамках взаимодействия коренных малочисленных народов Сахалина, компании «Сахалин Энерджи» и администрации Сахалинской области). Авторы обобщили данные по традиционному и современному хозяйству коренного населения Тазовского района, проследив изменения, происшедшие в последние годы в оленеводстве и рыболовстве ненцев. В экспертизе показаны различия в положении работников оленеводческих предприятий и частных: «Оленеводы-«личники» сталкиваются с серьезными проблемами. Одна из главных связана с тем, что поголовье оленей лимитировано наличием кормов и пастбищ. Только оленеводческие предприятия имеют юридически признанные права на олени пастбища. Семьи «личников» — а им принадлежит оленей больше, чем предприятиям, — практически никаких официальных прав на пастбища не имеют, ведут выпас, по сути, нелегально. Принятое в 2000 г. губернатором округа постановление «О приведении поголовья оленей в соответствие с кормовой емкостью пастбищ

в Ямало-Ненецком автономном округе» отражает возникший в связи с дефицитом пастбищ конфликт между руководством оленеводческих предприятий и семьями, владеющими частными оленями. Оно ввело ограничение на поголовье оленей только для семей оленеводов, но не для предприятий. Помимо этого, состояние оленьих пастбищ усугубляется экологическими нарушениями, связанными с промышленным освоением региона... Оленеводы-«личники» практически не защищены социально. Они обычно не трудоустроены, следовательно, не получают заработной платы, им не идет трудовой стаж, что не позволяет рассчитывать на пенсионные выплаты; они не имеют возможности получать кредиты, дотации». Относительно взаимодействия промышленных компаний с коренным населением авторы отметили: «В ее нынешнем виде нефтегазодобывающая промышленность как несоизмеримо более сильная экономическая структура разрушает ресурсную и социокультурную основу традиционного природопользования северных народов и вытесняет их с исконных территорий. Необходимо прекратить эту практику в Арктике и начать процесс диалога между всеми природопользователями».²

Крузенштернская этноэкспертиза

Последняя из этноэкспертиз в российской Арктике была проведена под руководством автора этой публикации в апреле–ноябре 2013 г. в районе ведения геологоразведочных работ ООО «Газпром геологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения (западный берег полуострова Ямал). Основная цель этноэкспертизы состояла в прогнозе последствий воздействия геологоразведочных работ на образ жизни кочевников-ненцев и разработке предложений по минимизации социального и этнокультурного ущерба. Исследования осуществлялись в рамках экологической экспертизы и в сотрудничестве со специалистами Института экологии растений и животных УрО РАН во главе с В. Д. Богдановым и М. Г. Головатиним. Промежуточные итоги этноэкспертизы были представлены автором в рамках «Дней уральской науки и инноваций в Ямало-Ненецком автономном округе» 9–11 октября 2013 г. в Салехарде.

¹ URL: <http://www.arcticcentre.org/InEnglish/RESEARCH/Projects/Pages/ENSINOR/Declaration> (дата обращения 13.05.2014).

² Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М., 2001. С. 76–77, 111.

В состав исследовательской группы вошли сотрудники Института истории и археологии УрО РАН, Уральского федерального университета и Этнографического Бюро: А. В. Головнёв, С. В. Лёзова, И. В. Абрамов, С. Ю. Белоруссова, Н. А. Бабенкова, А. Патрушев и Д. Рустамова. Полевые работы выполнялись в июле–августе 2013 г. силами двух групп: северной — в местах летних кочевий тундровых оленеводов на территории Крузенштернского лицензионного участка и пос. Бованенково, южной — в местах весенних и осенних кочевий тундровых оленеводов, районном центре Ямальского р-на ЯНАО с. Яр-Сале и пос. Сюнай-Сале (см. рис. 1).³ Задача северной группы этноэкспедиции состояла в интервьюировании коренных жителей западного Ямала, сборе данных об образе жизни и маршрутах кочевий оленеводов 4-й и 8-й бригад Ярсалинского оленеводческого совхоза, а также оленеводов-частников на территории Крузенштернского месторождения.⁴ Южная группа осуществляла сбор статистических данных и аналитической информации в учреждениях административного центра Ямальского района, интервьюирование и анкетирование жителей с. Яр-Сале и пос. Сюнай-Сале, а также окрестных летних «дачных» чумов, где живет как кочевое, так и оседлое коренное население. Опрос проводился по специальному «Беседнику» и анкете «Этнокультурное наследие и идентичность». Всего было опрошено более 80 человек, среди них 70 % интервью было взято у ненцев, 20 % — у русских, 10 % — у сезонных рабочих (таджики, калмыки, киргизы и армяне). Отрядом были собраны статистические материалы, в том числе данные о половозрастном составе и численности хозяйств по Ямальскому району за 2007–2013 гг. и статистика оборота оленных стад за последние несколько лет. Особое внимание уделялось интервьюированию оленеводов относительно взаимодействия с геологами и газовиками, их оценке перспектив освоения Крузенштернского месторождения.

Свод и согласование разнохарактерных свидетельств и материалов представляет собой не меньшую сложность, чем их сбор. По

Рис. 1. Район этнологического исследования. Ямал, 2013 г.

нашему опыту, проведение этноэкспертизы оптимально под руководством профессионала-этнолога, знающего народ (культуру, территорию) по своим прежним исследованиям — в условиях экспертизы, обычно срочной, изучать азы культуры поздно, и пора применять уже сложившиеся знания в динамичной, деликатной, часто конфликтной ситуации. Кроме того, этнолог должен быть независим в своем анализе и мнении от промышленной компании и администрации, чьи интересы затрагиваются экспертизой. Единственная сторона, чьи мотивы, настроения и позиции в полной мере учитывает этнолог, — сообщество местных, в том числе коренных, жителей.

В Крузенштернской тундре выявлено около десятка культово-ритуальных мест. Следует отметить, что основу культурного наследия Арктики составляет живая культура коренных народов. Суровость природы и эстетика минимализма во все времена сдерживали размах строительства храмов и жилищ обитателей

³ Карта подготовлена И. В. Абрамовым.

⁴ Площадь Крузенштернского месторождения составляет 2 тыс. км², из которых 1,3 тыс. км² приходится на континентальную часть и 0,7 кв. км на морскую. Сухопутная часть месторождения относится к категории земель сельхозназначения, собственником которых является муниципальное оленеводческое предприятие (МОП) «Ярсалинское», в обиходе по-прежнему именуемое совхозом.

Арктики. Для северных культур характерна скорее широта миграций и коммуникаций, чем локальная плотность с сопутствующей основательностью архитектуры. Памятники Ямала (Усть-Полуй, Ярте и др.) лишь в малой доле передают богатство социальных и духовных реалий. И хотя вечная мерзлота преподносит иногда ошеломляющие сюрпризы, храня нетленной органику тысячелетней давности, главными памятниками культуры Арктики выступают не «осязаемые» (tangible, по терминологии ЮНЕСКО) монументы, а «неосязаемое» (intangible) достояние, включая мифологию и эпос, языки, обычаи, обряды, празднества, ремесла и искусства арктических народов.

Отдельные элементы культово-ритуального комплекса ненцев — святилища, ритуальные практики, мифология, эпические сказания — существуют не сами по себе, а в сложном комплексе живой культуры и мировоззрения. Кроме того, они расположены не точечно, в отдельном месте или стойбище, а в коммуникативном пространстве всей тундры с ее сетью кочевий, межродовых и межличностных взаимоотношений. То или иное святилище представляет собой не самостоятельный объект культурного наследия, а элемент в целой цепи сакральных памятников, связанной мифологией и в той или иной мере соответствующей системе оленеводческих кочевий. Поскольку условием существования и поддержания жизнеспособности и целостности этой мировоззренческой системы является устная традиция, передающаяся от поколения к поколению, необходимо вести речь об актуальности ее сохранения. В ненецкой традиции без мифа и ритуала не может быть святилища, равно как вся культура тундровых оленеводов не может существовать без кочевья и оленя.

Пограничье и конкуренция

Район Крузенштернской тундры Ямала сложен для исследования в силу своей пограничности в нескольких отношениях. Помимо соприкосновения геологов-газовиков и оленеводов-тундровиков, эта тундра является местом пересечения кочевий оленеводов Ярсалинского, Панаевского и Ямальского (Сеяхинского) совхозов, а также частных, приписанных к селам Яр-Сале, Панаевск, Сё-Яха. Территория тундры Крузенштерновского месторождения включает три «мыса» (земли): Я-сале (Земли мыс) — от Морды-яхи до

Надуй-яхи; Лапта-сале (Равнины мыс) — севернее Надуй-яхи; Парнэ-сале (Ведьмы мыс) — южнее Морды-яхи. В общей сложности летом здесь сосредоточено около 230 человек: на Я-Сале — 102 (4-я бригада — 53 чел., 8-я бригада — 49 чел.), на Парнэ-Сале — 48 (частники), на Лапта-Сале — 82 (частники). Количество оленей в летнее время — около 25 тысяч (по участкам тундры, соответственно, около 12 тыс., 4 тыс., 9 тыс.).

Формально эта территория закреплена за оленеводческим «совхозом» (муниципальным оленеводческим предприятием) с центром в Яр-Сале. В действительности почти половина Крузенштернской тундры (Лапта-Сале, Парнэ-Сале) осваивается оленеводами-частниками. На угодьях 2-й бригады на Парнэ-Сале пасут оленей частники, на Лапта-Сале на пастбищах 5-й и 6-й бригад также кочуют частные хозяйства. Лишь на Я-Сале доминирующими остаются совхозные бригады — 4-я и 8-я. По нашим наблюдениям, в августе 2013 г. оленеводами-частниками было занято около половины (45 %) пастбищ Крузенштернского участка.

Подобное смешение интересов уходит корнями в советскую эпоху, когда оленеводы правдами и неправдами оберегали свои частные стада от коллективизации. Тогда и сложились тундровые нормы, по которым пастухам дозволялось выпасать в одном стаде или по соседству совхозных и личных оленей. При этом, как правило, в личное поголовье отбирались лучшие олени, а в общественном оставались похуже, «на убой». При разделении стад выпас частных доверялся старшим родственникам (пенсионерам, или «охотникам»), общественных — молодым пастухам совхозных бригад. Благодаря этой практике ненцам удалось сохранить частное поголовье и в постсоветский период быстро и успешно его нарастить.

В 1980 г. доля частного сектора в оленеводстве Ямальского района составляла 37 %, в 2007 г. выросла до 82 %.⁵ При этом показатели продуктивности хозяйств обратные: доля общественного стада в структуре реализации мяса составляет 72 %, частного — всего 28 %. Как видно, частники нацелены на преумножение своих стад, оставляя «право на убой» общественным стадам.

На долю бригадиров общественных стад выпадает ответственность за нелегкий и риско-

⁵ Данные отдела АПК МО Ямальского района, 2008.

ванный оленеводческий менеджмент. Однако в случае успеха им же достается отборное поголовье оленей и «заслуженное право» на использование пастбищ. Ставший пенсионером экс-бригадир сохраняет свое влияние в тундре, тем более что его позицию в совхозной бригаде обычно наследует его младший близкий родственник, по-прежнему следующий советам и решениям экс-бригадира. Таким образом, лучшие пастбища вместе с лучшими оленями оказываются де-факто в пользовании крупных частников — авторитетных «тысячников».

Кочевая система землепользования сложна в своей многогранной динамике, предполагающей согласование индивидуальных стратегий и коллективных ресурсов, множества факторов риска и случайностей (от болезни человека до падежа оленей и стихийного бедствия). Стратегии и тактики движения представляют собой особое теоретико-практическое знание оленевода, включающее многообразные экосоциальные технологии. Существенное место в этих знаниях-практиках занимают межличностные, межсемейные и межродовые отношения, в которых оленевод должен быть так же виртуозен, как и в обращении с арканом и упряжкой оленей. Неэтичное поведение в отношении соседей грозит расколлапсом системы общего движения. Правда, ту же роль может сыграть робость и нерешительность оленевода (особенно бригадира) в отстаивании своих прав и реализации своих возможностей. При общей согласованности действий, основанных на традиции и корректируемых в ходе регулярных совещаний и гостеваний (особенно значим общий сход в начале марта на р. Ярудей), каждый лидер кочевой группы реализует собственную стратегию, и часто тундровые миграции напоминают, по словам самих оленеводов, «игру в шахматы». В практике кочевий есть еще одна ассоциация с шахматами: «Мы кочуем в шахматном порядке, чтобы не смешать оленей».

Каждый «игрок» ведет свой аргиш по маршруту, достигающему иногда полутора тысяч километров (как у 4-й и 8-й бригад), с учетом прежде всего успешного выпаса и репродукции стада, стремясь опередить своих соседей и первым занять лучшее пастбище. При этом недопустимо постоянно делать ходы на опережение, а следует соблюдать этику «тундрового трафика» и рассчитывать, какой из ходов допустим и наиболее выгоден в сложившейся конкретной ситуации — как и в шахматах,

лидер кочевья может эпизодически уступать инициативу соседу, чтобы иметь основания в нужный момент (например, при выходе на отельные пастбища) сделать критически важный ход. Вместе с тем традиция согласования регламентирует попеременный выход в авангард кочевий разных бригад. Так, по сложившейся норме, северные ярсалинские бригады следуют друг за другом в разном порядке на разных этапах кочевий: по Хою (центрально-ямальскому водоразделу) на север к летним стойбищам движутся 4-я, 8-я, 5-я, 6-я, 1-я, 2-я; в обратную сторону кочуют 4-я, 1-я, 2-я, 8-я, 5-я, 6-я; за Обскую губу на зимовку уходят 8-я, 4-я, 5-я, 6-я, 1-я, 2-я; из-за губы выходят весной 1-я, 5-я, 6-я, 4-я, 8-я, 2-я.

Вся система миграций основана на согласовании личностных, семейных, родовых и межродовых интересов и отношений. Тундровым кочевникам присуще тонкое чувство меры в балансе индивидуального и общественного (и то и другое в их ментальности и поведении выражено крайне ярко). Деятельность оленеводов регламентируется не жесткими формализованными правилами, а гибкими диспозициями, допускающими ситуативные отклонения и импровизацию. В этом смысле беспочвенны допущения (иногда звучащие в административных кабинетах), будто оленеводство может быть управляемо неким набором «правильных правил». Не случайно в практике совхозного администрирования и при советской власти, и сейчас, реальный менеджмент в оленеводстве осуществляют сами оленеводы.

Примером (и одним из ключевых способов) применения «гибких диспозиций» тундровиков служит тактика «давления большого стада». Помимо того что крупный оленевод или бригадир оленеводческой бригады обладает высоким персональным авторитетом в качестве диспетчера общего распорядка миграций, подконтрольное ему стадо в несколько тысяч оленей представляет собой главную фигуру на «шахматной доске» кочевий. Большое стадо движется быстрее мелких стад и в ритме рассеивания-сбора охватывает значительно больший диапазон пастбищ. Если в ходе миграций большое стадо «накроет» (поглотит) оленей нерасторопного мелкого оленевода, ему предстоит либо крайне трудоемкий отлов своих оленей в огромном стаде соседа (что своими силами неосуществимо), либо покорное следование за ним со своим

чумом и хозяйством (если на то будет согласие «хозяина»). Иногда отделение (отлов) и возвращение заблудших оленей происходит только при осеннем пересчете стад на местах «забойки» в южной тундре, и использовать этот шанс удастся далеко не каждому мелкому оленеводу, поскольку он существенно уступает в скорости движения (тем более с ослабленным стадом) крупному оленеводу или бригаде. Если он не успеет отловить своих оленей до зимы, ответственность за них пастухов, по тундровым законам, аннулируется — «приблудные олени» могут быть попросту съедены или использованы новыми владельцами по своему усмотрению.

Таким образом, «давление большого стада» представляет реальную угрозу благополучию и даже судьбе оленевода-частника. Нам довелось видеть граничащую с паникой тревогу в глазах частников при известии о сближении их оленей с бригадными стадами на Я-Сале. Не менее впечатляюще звучали рассказы о сильном оленеведе по прозвищу Медный (Медко Сэротэтто, экс-бригадир 2-й бригады), который со своим полторатысячным (по другим сообщениям, двухтысячным) стадом приходит на Парнэ-Сале первым, а уходит последним. По словам очевидцев, «Медный маневрирует, когда идет между стадами 1-й и 2-й бригад; он идет впереди охотников [оленевопровод-частников]. Кто не отойдет — накроет. Нынче уже тысячу оленей частников накрыл». Примечательно, что устрашающие действия «Медного» не осуждаются; общественное мнение тундры признает за ним право доминировать в местной системе кочевий со времен его бригадирства. Подобные ситуации — скорее норма, чем эксцесс, и нам пришлось быть свидетелями двух случаев смещения стад, серьезно осложнивших жизнь местной тундры.

Как и по всему Ямалу, в западной тундре обнаруживается рост оленного поголовья, нехватка пастбищ и деградация угодий из-за интенсивного выпаса. Ситуация на Крузенштернском побережье усугубляется тем, что эта зона вошла в сферу интересов нефтегазовой индустрии. С утеснением пастбищных угодий 1-й, 2-й, 5-й и 6-й бригад из-за промышленной экспансии в районе Бованенково пастбищная конкуренция обострилась. Значительные площади пастбищ в пределах соседнего Бованенковского месторождения уже утрачены для оленеводства, и эта картина с тревогой

проецируется оленеводами на Крузенштернский участок.

Оленеводческий рай

При общем взгляде на карту Ямала тундра по берегам залива Крузенштерна кажется окраиной полуострова у Карского мелководья. При формальном учете годичных маршрутов оленеводов эта территория видится краем (конечным пунктом) кочевий, где происходит разворот миграций и начинается возвращение стад и бригад на юг. Если протяженность годичных маршрутов крупных стад составляет около 1 500 км, то этот участок длиной чуть более 100 км может представиться лишь фрагментом большого кочевого пути.

Подобная картина складывается в кабинетных размышлениях о возможностях отчуждения этой земли для промышленного освоения как продолжения Бованенковской промзоны. Из самой промзоны этот кусок тундры, отделяющий Бованенково от моря, тоже кажется вполне естественной перспективой развертывания «индустриального ландшафта». Когда оленеводческие бригады дважды в год проходят через бованенковскую промзону, с трудом перегоняя по промышленным джунглям многотысячные стада оленей и останавливаясь на ночлег среди труб и бетонных конструкций, газовики воспринимают эту «героическую миграцию» с пониманием и даже симпатией (фотографируясь на фоне оленей), но относят ее к разряду чудаковатых древних традиций. С позиции сегодняшнего горожанина-вахтовика сегодняшним оленеводам рациональнее воспользоваться компенсационными выплатами, оставить хлопотное оленеводство и осесть в благоустроенном поселке на юге тундры. Или, по крайней мере, не прорываться с огромными трудностями и рисками на приморский участок, уступив его промышленникам. Однако все эти рациональные консюмеристские доводы расходятся с ценностными ориентациями тундровых кочевников.

Для оленевода и его стада летняя приморская тундра — не просто одна из точек кочевого маршрута. Само по себе кочевье длиной в полторы тысячи километров от леса до моря, со сменой сотни нарт, во многом мотивировано достижением приморской летней тундры. Ценность пастбищ Я-Сале, характеризующихся кочевниками как «олeneводческий рай», состоит в кормовых и нагульных условиях, включая плотную травянистую почву (нен.

ненгад), благоприятные ветра, близость моря (соль в рационе оленей), относительную защищенность от комаров и оводов. Помимо этого тундра Крузенштернского побережья имеет культурную и рекреационную функции. На побережье расположен ряд святынь, обладающих высоким культурным статусом, запасы плавника, который используется как топливо и материал для починки нартов. Мы были свидетелями (и участниками) волейбольных матчей между бригадами, а также считающихся особым удовольствием семейных прогулок по взморью. По выражению бригадира 4-й бригады Нядмы Худи, «Я-Сале — это курортное место двух бригад — как Сочи».

Понятие «оленоводческого рая» на Карском взморье имеет лишь частичное сходство с европейскими каникулами и отпускными развлечениями. В действительности это критически важная фаза для физического и психологического отдыха и восстановления людей и оленей, без которой весь остальной тысяче- или полуторатысячекилометровый маршрут лишен производственного и жизненного смысла. Невероятно сложное и напряженное годичное кочевье во многом мотивировано именно «достижением рая» на летних пастбищах у моря. В этом отношении «тундра Крузенштерна», будучи функциональным узлом и ценностной доминантой, представляет собой не окраину (крайнюю точку) кочевого маршрута, а его сердцевину и опору. Оленеводы потому и приняли (пусть и скрепя сердце) изъятие из их оборота соседних бованенковских пастбищ, что они не представляют столь высокой ценности, как Я-Сале. С приморскими тундрами дело обстоит иначе — с их изъятием рухнет вся система кочевий; у оленеводов попросту исчезнет мотивация трансъямальских миграций.

Техно-медиа-революция

Своего рода контрапунктом традиций и новаций служит «форсирование» оленеводческой бригадой промзоны Бованенково. Перегон стада занимает три дня и предполагает пересечение бетонных дорог, проход под трубопроводами, остановки стойбищами на два ночлега среди промышленных сооружений. Пастухи направляют пятитысячное стадо оленей по узкому коридору, обозначенному на бетонных дорогах знаками «олень». Здесь же находится огороженное место языческого капища, которое прежде было местом жертво-

приношений, а ныне представляет собой «мемориал святыни». Вместе с тем сегодня каслание через Бованенково приобрело для оленеводов новый смысл как своего рода «полярное эньсерро» (испанский обычай прогона быков по улицам города), яркое и увлекательное зрелище для Газпрома. В дни каслания многие работники Бованенково, а также специально прибывающие из разных стран съёмочные бригады, встречают кочующие бригады с фото- и видеокамерами.

Не меньшее впечатление оставляет движение поезда «Обская-Бованенково» среди ненецких стойбищ и многотысячных стад оленей. Ненцы иногда жалуются на неудобство и даже вред от поезда и железнодорожного полотна, однако очевидно и другое. Многие оленеводы не избегают железной дороги, а ставят стойбища на расстоянии 3–5 километров от нее. Для них движение поезда — зрелище и хронометр. Тундровики используют его и для перемещений от станции к станции или в окружной центр. Более того, поезд по-своему участвует в выпасе оленей. Дело в том, что для периодического сбора разбредавшегося стада оленеводы используют прием вспугивания, благодаря которому олени по зову стадного инстинкта сбиваются в компактную массу. Поезд, сбавляющий при виде стада скорость до 5 км/час, играет роль загонщика, собирающего разбредшееся по тундре стадо.

Сегодня традиционное мировоззрение кочевников подвергается мощному давлению через спутниковые тарелки и вышки сотовой связи, ТВ и интернет. По выражению одного из оленеводов Я-Сале, «тундру испортил генератор», что подразумевает недавнее массовое обеспечение Газпромом оленеводов бензогенераторами, благодаря которым современное ямальское стойбище по вечерам дружно (каждая семья в своем чуме) смотрит боевики и мелодрамы, отвлекаясь от тундровых забот. Обстановка тундрового вечера, которая прежде располагала к традиционным играм или исполнению долгих ненецких сказаний, ныне располагает к просмотру кинофильмов на видеоплеерах и ноутбуках. В час вечернего досуга на стойбище ежедневно раздаётся гул генератора, и все чумы погружаются в созерцание и попутное обсуждение сюжетов кинофильмов. Со стороны вечернее стойбище звучит на все лады саундтреками, доносящимися из разных чумов. На том месте в «чистой» части чума *синянги*, где положено хранить священные

предметы, теперь светится жидкокристаллический экран. В отличие от поездок прежних лет, на этот раз нам не удалось присутствовать при исполнении в чуме традиционных сказаний. Сегодняшний чум слушает вечером не сказителей, а киноактеров.

Речь идет о высокой адаптивности ненцев, демонстрирующих динамизм в восприятии и освоении культурных и технических новинок — от снегоходов и мотолодок до пластиковых труб (для изготовления подбоев к полозьям нарт) и современных коммуникационных hi-tech изделий, включая мобильные телефоны, навигаторы, видеокамеры, ноутбуки, видеоплееры и т. д. Однако вместе с ними приходят новые увлечения и зависимости, поглощающие внимание жителей тундры, особенно юное поколение, которое тундровым играм «нгухуко» и «парнэко» нередко предпочитает «смешариков» и «смурфиков». Выбор, разумеется, за самими тундровиками, но еще вернее было бы обойтись без выбора, отыскав здоровый баланс традиций и новаций.

Форсайт-сценарии

В ракурсе сохранения/разрушения среды обитания как основы традиционного образа жизни кочевых ненцев этноэкспертиза предполагает два полярных сценария. Пессимистический сценарий подразумевает тотальное промышленное освоение западной тундры Ямала и преобразование среды обитания ненцев-оленеводов настолько, что произойдет их исход с территории Крузенштернского месторождения из-за невозможности вести традиционный образ жизни. Оптимистический сценарий предполагает минимизацию промышленной застройки и ее конфигурацию, оптимальную для сохранения достаточных условий поддержания традиционного образа жизни и оленеводства ненцев.

Факторы обоих сценариев примерно равновесомы. Их гуманитарные и социальные последствия имеют свои адекватные продолжения. По первому сценарию возникнет (а) очаг социальной и этнонациональной напряженности, который может вызвать цепную реакцию районного, регионального и даже международного уровня; (б) прецедент неудачи Газпрома в реализации своей гуманитарной миссии. По второму сценарию предполагается (а) реализация беспрецедентной для Арктики модели взаимодействия промышленной корпорации и сообщества кочевников-олене-

водов с обоюдным сохранением хозяйственных и культурных приоритетов; (б) апробация научно выверенной модели взаимодействия с коренным населением для ее дальнейшего совершенствования и использования.

Оленеводы высказали свои предложения и замечания относительно возможных сценариев промышленного освоения территории Крузенштернского месторождения, в целом понимая необходимость этого освоения (экспедиционная группа сделала видеозапись обсуждения этих вопросов и ряда индивидуальных интервью). Для верификации полученных данных и апробации рабочих гипотез полевые данные нуждаются в сопоставлении с планами геологоразведочных и строительных работ, позициями административных и хозяйственных организаций Ямала. Очередным шагом в решении задач этноэкспертизы является апробация предварительных версий плана освоения территории в экспертных сообществах Ямальского района.

При планировании и проведении геологоразведочных и строительных работ следует учесть необходимость сохранения в целостности, без пересечения коммуникациями и объектами, массива пастбищ Я-Сале, Парнэ-Сале и Лапта-Сале. Особенно важно не перекрывать коммуникациями пастбища Я-Сале, где сосредоточены наиболее многочисленные стада Ярсалинского совхоза. Промышленные коммуникации и объекты целесообразно располагать максимально узкими терминалами вдоль «естественных границ» — долин рек Юнета-яха/Надуй-яха, побережья Карского моря. В оптимальном варианте промышленные объекты должны располагаться в пределах коридора уже проложенных коммуникаций Бованенковской промзоны. Это несколько ограничит возможности рыболовства для тундровиков (хотя и не исключит их полностью), но сохранит основные ресурсы оленеводства. В случае перекрытия коммуникациями пастбищ (условно, при реализации сценария «Бованенково-2» на территории Крузенштернского месторождения), возникнет угроза оленеводческого и социального кризиса, миграционного хаоса на Ямале и цепной реакции этносоциальных конфликтов в регионе.

В целом ненцы, осознавая угрозы, которые несет ресурсно-промышленное освоение их традиционному укладу жизни, культуре и мировоззрению, видят и открывающиеся во

взаимодействии с предприятиями ТЭК новые перспективы. Они удовлетворены активным строительством в поселках Ямальского района, хотя помнят, что истинный дом ненца — кочевой чум в тундре. Основные опасения ненцев связаны с утратой кочевого образа жизни, и представители коренного населения уверены в том, что их культура может сохраняться только за счет ведения оленеводческого хозяйства. Особое внимание жители Ямала обращают на экологические проблемы: сокращение рыбодобычи, загрязнение водоемов и тундр, проблемы оленеемкости пастбищ и обостряющийся в связи с промышленным освоением дефицит тундровых пастбищ. В качестве проблем местные жители упоминают трудности трудоустройства коренного населения на предприятиях ТЭК, безработицу в поселках среди квалифицированных работников со средним специальным и высшим образованием. Местное население видит угрозу в притоке южных мигрантов (прежде всего из стран Средней Азии), вызванном «урбанизацией» ямальских поселков.

Стратегия проведения геологоразведочных работ и в целом развития ТЭК на территории Ямала в плане возможных компенсационных мероприятий должна опираться на принцип «минимум ущерба, максимум деликатности». В сегодняшней ситуации корректировка «Газпромом» и его подрядчиками плана освоения участка тундры Крузенштернского месторождения в пользу сохранения условий традиционного кочевания ненцев — ключевое мероприятие по снижению техногенного воздействия на среду обитания и традиционный образ жизни коренного населения. Никакими компенсациями не возместить утраты жизненных ценностей; напротив, в пессимистическом сценарии компенсации могут дать эффект усиления деструкции вплоть до полной депрессии и алкоголизма.

Компенсационные мероприятия обычно включают выплату промышленной компанией денежных компенсаций коренному (местному) населению за приносимый материальный и/или моральный ущерб. Простое умножение выплат, без их обоснованности и

проектной целесообразности, девальвирует их и приносит вред получателю, ориентируя его на иждивенчество и сомнительного свойства «социальные технологии». В этом случае компенсации несут не пользу, а вред хозяйственно-культурной системе ненцев, основанной на деятельности, самообеспечении и персональной ответственности.

Этноэкспертиза, не вторгаясь в сложившиеся практики компенсационных выплат, предлагает обратить внимание на два перспективных направления, в которых возможны эффективные проекты, основанные на сочетании и взаимодействии ненецких традиций и технических инноваций. Имеется в виду создание и поддержание за счет компенсационных выплат:

(1) акционерного общества с участием тундровых оленеводов (всех категорий), функции которого состоят в деятельности сети факторий-предприятий по высокотехнологичной переработке и рыночной реализации продуктов оленеводства. Важным компонентом этой сети является транспортная инфраструктура, включающая специализированную малую авиацию, водный и наземный экологически безопасный транспорт. Одной из функций общества может быть оптимизация численности поголовья и состава стад, а также согласование режима пользования угодьями (особенно между совхозами и частниками). Создание акционерного общества и сети предприятий отчасти разрешит проблему занятости коренного населения.

(2) медиакомплекса, производящего и популяризирующего (прежде всего в тундре Ямала) современную аудиовидеопродукцию на основе ненецкой традиционной культуры, включающую фильмы, фотокомпозиции, аудиозаписи сказаний и передачи об оленеводах, их обычаях, буднях, мифах, заботах (в том числе выполненные самими оленеводами), а также информационные блоки о взаимодействии коренных жителей и предприятий ТЭК. В случае успеха местный репертуар хотя бы отчасти потеснит продукцию американской и отечественной киноиндустрии в тундровых «вечерних кинотеатрах» и заполнит зияющую брешь между реальностью и виртуальностью на оленеводческих стойбищах.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *Andrei_Golovnev@bk.ru*

Key words: *ethnological expertise, Yamal peninsula, Nenets, nomads, reindeer-herders, indigenous population, migrations, Gazprom*

ETHNOLOGICAL EXPERTISE IN THE SCENARIOS OF RESOURCE DEVELOPMENT ON YAMAL PENINSULA

Ethnological expertise has resulted the research project headed by Andrei Golovnev in April-November, 2013, in the area of Nenets reindeer-herders migrations and geological survey of Gazprom Geologorazvedka on the Kruzenstern gas-field, western coast of Yamal peninsula. The expertise was focused on assessment of feasible consequences of geological survey activity upon tundra nomads' lifestyle and, accordingly, the offering proposals aiming to minimize the prospective social and ethnocultural damage. The research revealed complexity and potentiality of compatibility of Nenets cultural traditions and modern industrial innovations, the flexibility and adaptability of nomadic reindeer-breeders' culture, as well as the necessity of co-management of Yamal nomads and Gazprom. The paper's sections are titled "North as testing ground", "Kruzenstern ethno-expertise", "Borderland and competition", "Nomadic paradise", "Techno-media-revolution", "Foresight scenarios".

REFERENCES

Available at: URL: <http://www.arcticcentre.org/InEnglish/RESEARCH/Projects/Pages/ENSINOR/Declaration> (accessed May 13 2014). (in Russ.).

Martynova Ye. P., Novikova N. I. *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya* [Tazovsko Nenets under oil and gas exploration]. Moscow: IP A. G. Yakovlev Publ., 2001, 132 p. (in Russ.).